

— Ой... больно до смерти, — Сюй Вэнь прокатывал по лицу горячим яйцом, гримасничая от боли. Впредь он точно, точно будет следить за Эр-эром. Алкоголь — настоящий негодяй!

— Сам виноват, — Ли Гань налил Сюй Вэню стакан воды.

— .....

Отчаяние! Сюй Вэнь уставился в потолок, белый, как и он сам.

Вернувшись в комнату, Ли Цзюньюй привел Оу Хэна и уложил его на кровать. Едва рука Оу Хэна коснулась тонкого одеяла, он тут же укутался в него.

Ли Цзюньюй стоял у кровати, наблюдая, как Оу Хэн оборачивается в одеяло, превращаясь в гусеницу-шелкопряда. Впервые, когда Оу Хэн напился, Ли Цзюньюй привел его в комнату, и тот точно так же укутывался, не оставляя себе ни малейшего пространства для движения.

Это знал только Ли Цзюньюй.

Он смотрел, как Оу Хэн долго возился на односпальной кровати, оборачиваясь в одеяло. Ли Цзюньюй подстраховывал его, чтобы тот не упал, и только когда понял, что Оу Хэн завернут достаточно надежно, поднял его, чтобы отнести в ванную.

Это выглядело так, будто он нес гигантского шелкопряда, что было довольно забавно.

Ли Цзюньюй наполнил ванну горячей водой и начал разворачивать Оу Хэна. Но прежде чем он успел снять с него одежду, Оу Хэн, как коала, обхватил его руками и ногами.

Подсознательное усилие оказалось таким сильным, что Ли Цзюньюй не мог пошевелиться.

— Эр-эр, отпусти немного, сначала помоемся, — Ли Цзюньюй тихо уговаривал его на ухо. В таком состоянии Оу Хэна нужно было убеждать.

Ли Цзюньюй боялся применить силу, чтобы не причинить ему вреда.

— Не хочу! — Оу Хэн категорически отказался и пополз вверх по телу Ли Цзюньюя, по-настоящему приняв его за деревянный столб.

— Эр-эр, слушайся, не двигайся, — на виске Ли Цзюньюя вздулась жилка. Он шлепнул Оу Хэна по попе, высвободил руку и стащил его с себя.

— Уаааа... ты меня не любишь... ты плохой, уууу... предатель... — Как только Оу Хэна оторвали от тела, он разразился плачем, хотя громко кричал, а слез почти не было.

— Ладно, ладно, малыш, иди ко мне, — Ли Цзюньюй поддался на эту уловку. Хотя он знал, что Оу Хэн притворяется, все равно не мог удержаться, чтобы не его успокоить.

Ли Цзюньюй прижал Оу Хэна к себе, и тот снова обвился вокруг него, на этот раз еще крепче, так что Ли Цзюньюю стало трудно даже двигаться.

При этом руки и губы Оу Хэна начали очень беспокойно бегать по телу, зажигая огонь. Ли Цзюньюй почувствовал себя настоящим аскетом.

Особенно когда он касался нежной, горячей кожи Оу Хэна и встречался с его взглядом.

Ли Цзюньюй наспех помылся и, прижимая к себе Оу Хэна, вернулся в кровать. Терпеть и терпеть — совсем не в его стиле.

— Проснулся? — Оу Хэн открыл глаза уже вечером. Похмелье и все остальное вызвали у него головную боль и головокружение.

— Гого, что со мной? Голова болит, — Оу Хэн слабо поднял руку, чтобы потереть виски, и вдруг обнаружил, что они с Ли Цзюньюем лежат в обнимку, совершенно голые. Тело и руки окаменели, а мозг отказал.

— Ты напился, выпей чай от похмелья, — Ли Цзюньюй поднес чашку к губам Оу Хэна. Тот даже не взглянул и просто выпил залпом.

Выпив чай, Оу Хэн немного прояснился в голове и заметил на своей груди множество следов поцелуев. Он украдкой взглянул на Ли Цзюньюя.

Он не чувствовал ничего странного сзади, но при таком количестве следов и усталости казалось, будто это он изнасиловал Гого. Но по виду это не походило на правду.

— Гого, ты превратился в щенка? — Оу Хэн пошевелился. — Ой... — Боль пронзила внутреннюю поверхность бедра.

Оу Хэн с подозрением уставился на Ли Цзюньюя. Тот выглядел как образец добродетели, но что-то здесь было не так. Оу Хэн откинул одеяло и посмотрел на внутреннюю сторону бедра.

Кожа на внутренней стороне бедра была стерта!

Оу Хэн поднял глаза на Ли Цзюньюя:

— Гого, ты зверь? — Как он теперь будет ходить завтра? Люди обязательно подумают о чем-то неправильном!

— Это Эр-эр слишком соблазнителен, — Ли Цзюньюй прижал Оу Хэна к себе. Их обнаженная кожа соприкасалась, и Оу Хэну не хотелось отпадать.

— Ты всегда находишь оправдания. А что завтра будем делать? — Хотя ему не хотелось отрываться, это не мешало сердиться.

— Что они могут сказать? — Ли Цзюньюй поднял бровь, исходя уверенностью и напором. От этого у Оу Хэна пропустило удар сердца.

— Больно, — пропищал Оу Хэн. Кожа у него была очень нежная, иначе бы не стерлась. Хотя лекарство уже начали наносить, но сейчас при малейшем движении снова болело.

— Веди себя хорошо, скоро лекарство подействует, и завтра все пройдет.

— Ты просто зверь! — Оу Хэн, стоя на коленях на кровати, вцепился зубами в кадык Ли Цзюньюя. Своими маленькими собачьими зубками он терся туда-сюда — не больно, но щекотно.

Эта щекотка снова заставила Ли Цзюньюя волноваться, вспоминая то сладостное, доходящее до смерти удовольствие, которое было днем. Он уставился на Оу Хэна, как голодный волк на пищу.

— Я голоден, — Оу Хэн наигрался, разжал зубы, укрылся одеялом с ног до головы и спрятал голову под подушку. Такой откровенный взгляд Гого его действительно пугал.

Только что готовый к «бою» Оу Хэн тут же струсил, прячась под одеялом, словно страус, надеясь, что так можно сделать вид, что ничего не произошло.

Одеяло было полностью намотано на Оу Хэна, и Ли Цзюньюй остался совсем голым. Оу Хэн тайком подсматривал на него через щелочку, особенно на одно место, и мысленно восхищался.

— Эр-эр хочет использовать меня как еду? — Ли Цзюньюй спокойно улыбнулся, подшучивая над Оу Хэном. — Эр-эр не нужно так, если Эр-эр хочет, можно смотреть сколько угодно. Последнюю фразу Ли Цзюньюй произнес, наклонившись к самому уху Оу Хэна, его магнитный голос был полон соблазна.

Оу Хэн инстинктивно прикрыл нос, чувствуя, что вот-вот потечет кровь.

— На что Эр-эр смотрит? На это? — Ли Цзюньюй смотрел на смущенное, алое лицо Оу Хэна и не удержался от продолжения.

— Я... я не смотрю ни на что... Не будь таким грязным, как настоящий образцовый юноша, Гого, твои мысли... как они могут быть такими... такими пылкими. — Оу Хэн чувствовал себя разгаданным, он запинался и пытался спрятаться, но одеяло было под контролем Ли Цзюньюя.

Лицо Оу Хэна краснело все сильнее. Хотя он и думал о всяких вещах, но быть пойманным на этом самым участником было очень неловко.

— О чем ты думаешь, Эр-эр? — Ли Цзюньюй сделал вид, что ничего не понимает, с серьезным видом. — Я говорил о кубах пресса. А ты о чем подумал? Как образцовый юноша, не стоит день и ночь думать о постыдном, но если Эр-эр хочет, то тоже можно...

— Я не хочу! Не хочу! — Лицо Оу Хэна стало еще краснее. Он, он разве о чем-то таком думал? Это явно Гого оправдывается и дразнит его, негодаяй.

— Гость, ваш заказ доставлен.

Прежде чем Ли Цзюньюй успел сделать следующее движение, в дверь постучали.

— Иди скорее, — Оу Хэн воспользовался моментом, чтобы вернуть право распоряжаться одеялом, спрятался под ним. Сердце бешено колотилось, лицо горело.

— Будь послушным, — Ли Цзюньюй накинул халат, проверил, надежно ли укрыт Оу Хэн, и только потом пошел открывать.

Ли Цзюньюй вообще никого не впустил, сам закатил тележку с едой.

— Малыш, вставай, одевайся и поешь, а то скоро живот заболит. Было уже поздно, и Ли Цзюньюй планировал разбудить Оу Хэна, если тот сам не проснется.

— Угу, — Оу Хэн натянул пижаму, сел на краю кровати и позволил Ли Цзюньюю кормить себя с ложки. Сейчас ему не хотелось шевелить даже пальцем.

Накормив Оу Хэна, Ли Цзюньюй отнес этого маленького поросенка чистить зубы, немного поиграл с ним и только потом уложил спать.

На следующее утро Оу Хэн проснулся в слезах. Бедра болели, любое прикосновение ткани, какой бы мягкой она ни была, заставляло Оу Хэна гримасничать от боли.

— Ты зверь! — Оу Хэн, с глазами полными слез, снова вцепился в шею Ли Цзюньюя, оставив еще один отпечаток зубов, который теперь торчал назло миру.

— Малыш, я виноват. Может, тебя на ручках понесу? — Он не ожидал, что кожа у Эр-эра такая нежная. Даже после лекарства на следующий день она не зажила. Он думал, что все в порядке.

<http://bllate.org/book/16768/1541265>